

Автор: Денискова Е. (Украина)

Идея этой статьи родилась из простой, но глубоко поразившей меня фразы, услышанной на одном из семинаров по экзистенциальной психопатологии Л. Бинсвангера. «По-настоящему можно помочь, если понять мир, в котором живет человек с душевной болью».

Эта мысль сильно пошатнула мои представления о возможностях классической психиатрии. Но, вместе с этим, я почувствовала в ней обещание какого-то выхода, просвета. И в то же время, тревогу перед встречей с этим «миром». Классическая психиатрия, которую мне преподавали в институте, меньше всего стремится исследовать внутренний мир больного. Бред фиксируется только как часть симптоматики, необходимой для постановки диагноза. Идти за фантазиями пациента считается опасным для душевного здоровья врача. Мир душевно больного – потенциальная угроза собственной нормальности того, кто пытается его лечить. Так считается. Так думала и я, пока не познакомилась с экзистенциальным анализом Л. Бинсвангера, с его «Бытием-в-мире».

К идее о том, что изучать нужно не заболевание само по себе, а заболевшего человека, - человека внутри его мира, его отношения со своим миром и миром внешним, уникальный и неповторимый способ его бытия-в-мире – Людвиг Бинсвангер пришел не вдруг и не сразу. Начался этот путь с попытки понять, что он сделал не так, как врач, почему не смог помочь некоторым своим пациентам. Нужно отдать должное мужеству и профессиональной честности этого человека и врача, он не побоялся представить общественности свои самые «провальные» случаи и попытаться понять, в чем были его ошибки, что он сделал не так, или, скорее, чего не сделал, не понял, не заметил в жизни своих пациентов. Начал он с того, что (хотя уже задним числом) он попытался всматриваться в субъективную реальность своих пациентов (случаи Лолы Фосс, Элен Вест, Юрга Цюнда, Сюзанны Урбан, Эльзы) и обнаружил, что многого не замечал в жизни этих людей, в их субъективной реальности. И дальше вся работа «Бытие-в-мире» посвящена размышлениям над тем, чтобы понять мир, в котором жили эти люди, как они дошли до сумасшествия, что это был за путь и на что он был похож. А так же, попытке разобраться в том, что отделяет психически больного человека от здорового. Для экзистенциальных психотерапевтов принципиально важно, не только, то, что Бинсвангер пытался размышлять о жизни своих пациентов, а как именно он это делал. Важно то, что он открыл для психотерапии, что каждый человек живет в своем мире и чтобы понять и помочь человеку в его проблеме, нужно понять мир, в котором он живет. Понять, как он устроен, что там главное, что управляет этим миром, на чем он держится,

ради чего и для чего он существует, его слабые и сильные места, каковы и где его подводные камни, какие и где в нем «зарыты мины», его границы, его связь с внешним миром и т.д. Сделать это можно, размышляя над его жизнью.

В процессе попытки понять, как устроены жизненные миры людей, страдающих психическими расстройствами я столкнулась с тем же, на что в свое время обратил внимание Л. Бинсвангер - жесткую подчиненность жизни определенным модусам существования. Жизнь этих людей устроена так, что некоторые модусы существования в определенный момент начинают доминировать, управлять всей жизнью, направлять ее в определенное русло. В связи с этим появилась необходимость выделения этих модусов существования, или экзистенциалов. Идея построения экзистенциалов возникла из той же необходимости, с которой столкнулся М. Хайдеггер при создании онтологии Dasein – из необходимости поиска приемлемого языка, с помощью которого можно описать то, что происходит в жизненном мире человека не ставить диагнозы, а ухватить происходящее. Категории, термины, понятия, т.е. то, чем оперирует язык науки, не в состоянии передать события душевной жизни человека во всей полноте, его мироустройство во всех взаимосвязях, понять и назвать мир, в котором живет конкретный человек. Основанный на принципах разделения на субъект и объект, ориентированный на создание незыблемых законов и типологий, обусловленный поиском причинно-следственных связей, ставящий во главу угла сущность, а не существование, призванный отражать лишь объективную реальность, язык науки ничего не может сказать о субъективной реальности. Он не может встроиться в нее, поскольку создан сторонними наблюдателями для сторонних наблюдателей. Сделать это под силу разве что писателю, поэту, тому, кто владеет живым языком, из жизни рожденным и призванным жизнь живо-писать.

Каждый жизненный мир бесконечно сложен и уникален, существует и разворачивается, заболевает и выздоравливает по своим, только ему понятным законам. Поэтому нет ни какой шизофрении вообще. Есть «шизофрения» Элен Вест, Лолы Фосс и т.д. Каждый случай сумасшествия уникален, как и жизнь, мир страдающего ею человека. Но бывают похожие жизни, бывает, что люди болеют похоже, выбирают сходные способы справляться с трудностями жизни или избегать их. В этом смысле построение системы экзистенциалов поможет глубже понять, то, что управляет психически больным человеком в его отношениях с миром.

Существует много разных образов, передать, чем может быть сумасшествие в жизни человека. Например, иногда болезнь становится маскировочной ширмой, за которой в результате оказывалась пустота; или принимает вид дымовых завес, или напоминает засасывающую воронку и т.д.

В данной статье предлагается введение и попытка построения такого экзистенциала как «побег» для понимания феномена сумасшествия. Предпринимается попытка посмотреть на сумасшествие как на побег. Экзистенциал «побег» предлагается не как универсальный, для сумасшествия вообще, но для понимания отдельных случаев сумасшествия, в которых он проявляется.

В толковых словарях русского языка слово «побег» дано в двух значениях: как юридический термин (побег из тюрьмы) и как биологический (росток). Как юридический термин «побег» начал свое формирование с появлением в юридической практике феномена бегства преступников из мест лишения свободы. В одном из своих значений «бегство» означает «отстранение от чего-либо (обычно неприятного, мучительного)»¹.

Побег как выход возникает, когда в жизни человека появляется нечто закабаляющее, когда человек ощущает себя пленником, рабом обстоятельств или людей, или судьбы, а может и всего вместе взятого. Побег в сумасшествие похож на бегство в более безопасное и комфортное в реальной жизни ощущение себя. Побег в свободу из несвободы. Сбегая в сумасшествие человек, как бы, снимает с себя ответственность за происходящее с ним, за свою жизнь, за себя и, даже, за свой отказ от себя и жизни.

Что движет побегом? Бинсвангер считает ответственность и свободу важными факторами, противостоящими развитию психопатологии². Мужество способствует, тому, чтобы быть ответственным и свободным.³ Побег в сумасшествие – это высочайшая степень отсутствия мужества быть: жить, быть собой, быть с другими, быть свободным, быть виноватым, несогласным, противостоящим, верующим.

Чего люди, сходящие с ума, не выдерживают в реальности и в себе? От чего они стремятся сбежать, спрятаться за ширмой и т.д. Почему они предпочитают сойти с ума? Многие случаи психопатологии, говорят, что от страха и невыносимости: находиться в том состоянии и положении, с теми людьми. От невозможности противопоставить себя обстоятельствам, другому человеку (людям), вытерпеть, пойти навстречу страху и отчаянию. Выход не виден, или виден, но почему-то не возможен. Сумасшествие выбирают «только бы не быть...» там, с тем (теми), с собой. «Не знать», «не чувствовать», «не отвечать», «не делать», «не жить так». Выбирают безумие, чтобы избежать другого непосильного выбора.

Чтобы увидеть и понять, как выглядит и как происходит сумасшествие похожее на побег предлагаю обратиться к классической русской литературе. А именно, к Ф. М. Достоевскому. Классическая художественная литература вообще, в том числе русская литература в лице Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Чехова, А. Островского, И. Гончарова представляет собой «зеркало жизни». Как и в жизни, в хорошей литературе нет ничего однозначного: ни характеров героев, ни predetermined, роковых ситуаций. Зато есть над чем думать, видны пути, видно как совершается выбор того или иного пути, видны ловушки внешние и внутренние. В ней наряду с глубокими философскими размышлениями, психологически тонко и выразительно прорисованными человеческими характерами даны, на мой взгляд, очень ценные для экзистенциальных психотерапевтов феноменологические описания жизни, жизненного пути героев. Феноменологический материал некоторых классических произведений настолько гениален, что позволяет размышлять над жизнью героев, так, как если бы это был реальный человек. Он показывает перекрестки бытия, тупики жизни и способы выхода из них. Или напротив дает возможность увидеть, что привело героя в тупик и что не дает ему освободиться. Объемное феноменологическое описание жизни, способов бытия-в-мире – вот то главное, чем ценна для экзистенциального терапевта и

консультанта классическая художественная литература.

Выбор Ф. Достоевского обусловлен, во-первых, тем, что Достоевский один из самых психологичных писателей, пристально всматривающихся в хитросплетения человеческих переживаний, а, во-вторых, он глубоко понимал пути безумия, душевной болезни. Понимал не умозрительно, а на опыте собственной жизни, своих встреч с собственным безумием и безумием своих близких. Он научился всматриваться в жизнь людей и видеть, - от какой жизни человек сходит с ума. Именно поэтому у него нет похожих сумасшествий, и быть не может. Например, сумасшествие Ивана Карамазова из «Братьев Карамазовых», Настасии Филипповны и князя Мышкина из «Идиота» - это разные сумасшествия. Они устроены по-разному, и от разного происходят.

В качестве «истории болезни» была избрана жизнь одного из главных героев романа «Братья Карамазовы» Ивана Карамазова. Попытаемся разобраться, по каким признакам душевная болезнь Ивана Карамазова напоминает побег.

Анамнез жизни Ивана Карамазова. Иван – средний сын от второго брака (от первого брака отца есть брат Дмитрий, посланный на воспитание, и с которым он познакомится, будучи уже взрослым), небогатого помещика Федора Карамазова, человека больших страстей и многочисленных пороков. Мать Ивана – безродная сирота, дочь небогатого темного дьякона». Выросла в богатом доме своей благодетельницы, воспитательницы и мучительницы, знатной овдовевшей старухи-генеральши. В бытность у генеральши ее однажды случайно успели снять с петли, так невыносима была жизнь у «благодетельницы» кроткой, безответной девушке.

Отец Ивана увез его мать из дома генеральши, за что оба были прокляты старухой. Однако, спустя небольшое время и сам начал жестоко оскорблять свою молодую жену. Будучи человеком развратным и беспринципным, делал это очень изощренно (например, устраивал при ней и детях оргии), так что еще до рождения детей у нее уже развилась «нервная женская болезнь». Истерические припадки у женщины были чрезвычайно тяжелыми: длились долго и мучительно, сопровождались тяжелыми криками. Часто в результате припадков мать Ивана теряла рассудок. Это продолжалось и усугублялось с рождением детей. Разумеется Иван, так как помнит мать уже в сознательном возрасте, не раз был свидетелем этих припадков (равно как и их причины).

Мать умерла, когда Ивану исполнилось семь лет. После смерти матери его и младшего брата Алешу отец «за ненадобностью» забросил в избу к слуге Георгию, «мрачному, глупому и упрямому резонеру». Следует отметить, что Григорий по-доброму относился к матери мальчиков и всячески старался защищать ее от издевательств мужа. К мальчикам он относился несомненно лучше чем их отец, однако обстановка в которой жил Георгий, да и он сам продолжали угнетающе действовать на детскую психику.

От Григория сирот забрала генеральша, воспитательница матери. Однако она в скорости умерла. Об отношении к детям свидетельствует ее завещание – по тысячи рублей каждому «на их обучение...но с тем, чтобы хватило до совершеннолетия, потому что слишком довольно и такой подачки для этаких детей, а кому угодно, то пусть сам

раскошеливается». Для того времени этой суммы с трудом могло бы хватить на пару лет, но ни как ни до совершеннолетия.

Следующим опекуном детей становится родственник усопшей генеральши, предводитель губернского дворянства Ефим Петрович Поленов. Он забрал Ивана с братом к себе в дом, был к ним добр (но в особенности выделял своей любовью младшего Алексея) воспитал детей на свои деньги, сохранил их деньги и даже приумножил. Что же касается Ивана, то поскольку чуть ли не с пеленок он начал проявлять удивительный для ребенка интерес и способности к обучению, опекун был восхищен и искренне убежден, что мальчика ждет большое будущее. Он нанял ему лучшего в городе учителя и не скупился оплачивать обучение.

Все что известно об Иване лично это то, что рос он угрюмым, замкнутым мальчиком. Рано стал понимать, что растет в чужой семье, на чужих милостях (доподлинно не известно, но, вероятно, ребенку это как-то давали понять). И, что отец его постыдный человек (и это тоже он начал понимать и стыдиться, живя у чужих людей, хотя чувствовать, что отец делает что-то нехорошее, он мог гораздо раньше).

К тому моменту как Иван окончил гимназию ни опекуна, ни учителя уже не было в живых. Не имея средств к существованию (выплата наследства существенно затянулась) Иван все же поступает в университет.

Амбициозные планы затмила суровая реальность, в которой Иван снимал убогую холодную комнатуху, учился в университете и, чтобы не умереть с голоду ночами напролет писал статейки и заметки для небольших городских газет. Следует отметить, что очень талантливые, так как вскоре он затмил всех молодых людей в городе, работающих на этом поприще.

За все время он ни разу не обратился к отцу с просьбой помочь деньгами. Для Ивана очень важна была его финансовая независимость от кого бы то ни было. Он не хотел быть должным и обязанным, это его ужасно угнетало. Как отмечает Достоевский, это было с одной стороны обусловлено гордостью, а с другой - «холодным, здравым рассуждением, что от папеньки никакой чуть-чуть серьезной поддержки не получит»⁴. Однако, все же необходимые для жизни молодого дворянина-студента средства он всегда имел.

Известность Карамазову приносит странная, дискуссионная статья в большой газете о волновавшем многих тогда вопросе церковного суда. Статья содержала очень смелые, еретические мысли, способные поколебать даже самые стойкие религиозные убеждения. Сам Иван, в последствии говорил, что эта статья для него ничего серьезного не представляет. Однако она вызвала брожение умов, в том числе и в ближайшем окружении Ивана. У него появился преданный поклонник его талантов и взглядов – внебрачный сын Федора Карамазова, его позор (если вообще можно сказать, что Федор Карамазов способен был испытывать подобные чувства) – Смердяков.

В это же время Иван приезжает в дом отца и на удивление окружающих, да и самого

Карамазова старшего, живет с ним внешне вполне мирно, даже дружно. Денег не просит, претензий за обездоленное детство не предъявляет.

Живя в городке, ведет образ жизни обычный для молодого дворянина. Он часто бывает в местном обществе, где блещет своим умом, остроумием и образованностью. Иван считал себя благородным, умным, высоконравственным человеком, который никогда не опустится до унижений или мщения. Одаренный не только интеллектом, но и внешностью и здоровьем он выгодно выделяется на фоне других молодых людей своего круга в городке. Можно сказать, что его считают «первым парнем на деревне». Иван Карамазов (что уж тут скрывать) тоже не видит себе равных. Относится к людям вежливо, но при этом всегда как-то свысока, покровительственно, а к некоторым даже несколько презрительно (есть и такие с которыми он своего призрения даже не скрывает). В том числе и к отцу (особенно к отцу!).

В обществе молодого человека любят за остроумие, он, несомненно, вызывает интерес и восхищение своими познаниями. С ним не интересно, даже весело, но близких отношений с Иваном не получается. Друзей у него нет. Хотя многие хотят с ним дружить и многие считают его другом. Но он никого другом не зовет. Предлагать свою дружбу – выше его достоинства, а принимать от тех людей, которые сами хотят с ним дружить он не собирался. Не считал их достойными, ровней себе. Хотя, все же, Иван сделал (единственную) попытку сблизиться и открыться своему брату Алексею, но и в ней он не пошел до конца. «Иван высокомерен...», - говорит его отец.

Между собой люди восхищаются им, но при этом отмечают, что он очень горд, холоден и скрытен! Ввиду скрытности Иван не оглашает истинную причину своего приезда, которая состояла в том, чтобы передать невесте брата Дмитрия (в которую сам Иван тайно и страстно влюблен), что помолвка их расторгается. Самая главная причина, почему Иван вдруг приехал, состояла в другом: он не просто приехал выполнить просьбу брата, он спешил ее выполнить, так как надеялся сказать Екатерине Ивановне (она же невеста брата) о своих чувствах.

Таковы в общих чертах история жизни Ивана, условия и обстоятельства жизни в которых он вырос, развился и находился до момента начала событий, ставших для его души, совести и психики серьезным испытанием, которое он не выдержал, сбежав в сумасшествие.

Теперь я буду описывать только основные, поворотные, ключевые моменты. Если так можно выразиться, подготовительные этапы побега. Или иначе – шаги, делая которые он раз за разом переступал в себе нечто (совесть, ощущение собственной ограниченности, слабости и желание получить помощь, поддержку), что удерживало его от разрушения, но требовало платы, которую Иван не хотел, не готов был дать. Главное, на что я, вслед за Достоевским, обращаю внимание – это психосоматические и эмоциональные, душевные реакции Ивана на ряд событий, связанных для него общей темой. Здоровый физически и психически, Иван реагирует на эти обстоятельства головной болью и общим ухудшением самочувствия, как физического так и душевного.

По мере усиления внешней напряженности жизненной ситуации Ивана, которая требует от него ответа (содержания которого тот не хочет знать и поэтому избегает), усиливается внутреннее напряжение. Сознание Ивана и все его мироощущение сужается до единственной задачи (какой именно мы рассмотрим ниже), которая со временем начинает настолько довлеть над жизнью Ивана, что захватывает и подчиняет себе все его существование и в итоге ведет к сумасшествию.

Побег в сумасшествие

1-й шаг

После с трудом остановленной драки старшего брата Дмитрия с отцом (припадок ревности: оба любят одну женщину), Алеша в страхе отмечает, что могло произойти убийство! «Боже сохрани!» На что Иван, «злобно скривив рот» отвечает: «А зачем «сохрани»?...Один гад съест другую гадину, обоим туда и дорога!». Но тут же прибавляет, как бы поправляясь: «Я, разумеется, не дам совершиться убийству, как не дал и сейчас...». После этих слов он сообщает, что у него разболелась голова и ему нужно на воздух. Голова действительно разболелась. До того Достоевский описывл ряд, обидных и даже тяжелых ситуаций связанных с отцом, но ни разу Иван не только не реагировал головной болью, но даже не выдавал раздражения.

Во дворе Алеша задает ему вопрос: «Брат, позволь еще спросить: неужели имеет право всякий человек решать, смотря на остальных, кто из них достоин жить и кто более достоин?». На что Иван отвечает: «...А на счет права, так кто же не имеет права желать?...А хоть бы даже и смерти. К чему же лгать перед собой, когда все люди так живут, а, пожалуй и не могут иначе жить...?». И тут же спрашивает Алешу: «Позволь тебя спросить...считаешь ли ты и меня, как Дмитрия, способным пролить кровь Езоп, ну, убить его, а?». И на отрицательный ответ Алеши благодарит его и продолжает: «...Знай, что я его всегда защищу. Но в желаниях своих я оставляю за собой в данном случае полный простор...Не осуждай и не смотри на меня как на злодея...» (прибавил улыбаясь). После пожал Алеше руку настолько благодушно и открыто, настолько не свойственно ему, что у брата появилось острое чувство, что сделал он это «с каким-то намерением». Будто бы в случае чего заручиться поддержкой. И, как бы: «если ты меня не осуждаешь, значит я не виноват».

2-й шаг

Встреча в ресторане с Алешей. Иван хочет «познакомиться с братом». Он пытается быть предельно откровенным и даже, как бы, исповедует перед ним. Он рассказывает ему о своих сомнениях, о том, как он не любит всех этих «ближних», не может полюбить

и не понимает зачем это нужно. (И это его искренне тревожит). Как остро он переживает и не принимает несправедливость созданного Богом (существование которого он вобщем-то принимает) мира. Но каждый раз, как только он доходит до момента, когда становится жалким и беззащитным, он сразу же поправляется и начинает говорить с иронией, самоиронией и как-бы принижая значение Алеши, беседы с ним для себя в данный момент. Это выглядит так: «А вообще все это ерунда, что это я тут перед тобой раскисаю! И нашел ведь, перед кем! Сам ты еще мальчик – молоко на губах не обсохло...Я помощи не ищу. Ну, чем ты, мальчик-монашек, который кроме монастыря своего ничего не видел, можешь мне, ученому мужчине, познавшему лишения и унижения помочь». Приблизительно в таком духе.

И дальше Иван смещает в разговоре акцент с себя и резко переводит его совсем в другую плоскость. Он рассказывает Алеше, что во всем этом «гов...», простите, несовершенном мире из всех ближних любит (а если ближе к сути - жалеет) он только детей за их беззащитность, безответность перед злом взрослых. Рассказывает Алеше о знакомом заключенном, воре и убийце, который в свое время во время ограбления не пожалел и зарезал двоих маленьких детей. Но, уже будучи в тюрьме он обнаружил в себе странную любовь к детям и даже приручил одного мальчика, часто игравшего на тюремном дворе. Мальчик часто приходил к нему, и они беседовали. На этом моменте у Ивана начинает опять сильно болеть голова, он грустен. Алеша отмечает, что говорит он «точно в каком-то безумии». Поскольку Алеша говорит это вслух, для Ивана становится очевидным, что брат заметил его состояние. И судя по тому, что он сделал вид, будто не услышал и перевел тему – Иван не хотел ее продолжать и обсуждать свое состояние с братом.

У Достоевского этого нет, но как по-мне, то этот заключенный, убивавший детей, а потом со стеклянными глазами и «отмороженной» совестью заигрывавший с ребенком (это похоже на извращение) уж очень напоминает Федора Карамазова, отца Ивана, Алеши и Мити. Который, тоже, вначале «убил» этих мальчиков, а сейчас «заигрывает» с ними. Так мне видится, в том числе и в контексте того, что происходило с Иваном во время рассказа об этом заключенном. И в виду того, как это похоже на происходившее с ним накануне во время разговора с Алешей во дворе.

Итак, Иван отвлекается и сообщает, что давно уже собирает истории об истязании детей взрослыми и что их у него десятки(!). Он задает Алеше вопрос: «Чем можно искупить страдания неповинных детей?». Если мир так несовершенен, то Бог не мог его создать. А, следовательно, его и нет. Он доводит Алешу до состояния глубочайшего уныния этими рассказами, а потом спрашивает, нужно ли убить этих злодеев. И раздавленный Алеша еле выдыхает: «Да». На что Иван радостно и победоносно ему объявляет, мол, раз ты! монах такое говоришь, значит, не может быть ни какого милосердия и всепрощения! Потому что есть!!!! вещи, которые простить нельзя. И, стало быть, нет ни какой справедливости и Бога нет (ну, что это за бог, который позволяет так издеваться над детьми). А раз так, стало быть «все дозволено»!

В Алешином «да» для него звучит разрешение, которое сам себе он давать боялся, сомневался. Но Алеша собирается с духом и протестует и против идей Ивана и против

своего «да», сказанного по маловерию и по малодушию. Он спрашивает брата, как тот «с таким адом в груди и в голове» жить собирается? И вот тогда Иван замыкается. И уже иронично продолжает, что мол, до 30-ти доживу («избегну»), а потом по-Карамазовски: «все позволено», т.е. совершать мерзости и оправдывать себя тем, что нет ни какого суда для него. Возможно, Иван был уязвлен (гордыня уязвлена), потому, что бросает Алеше упрек, что тот его так и не понял и не принял.

3-й шаг

После разговора с Алешей на Ивана напала «нестерпимая тоска». Он мчался и не мог понять в чем она состояла. «Тоска до темноты, а определить не в силах, чего хочу. Не думать разве...». Все прояснилось, когда он увидел Смердякова (лакей и внебрачный сын его отца, а следовательно и его, Ивана, сводный брат – позор семьи). Отвращение к Смердякову началось у Ивана с того момента, когда он обнаружил в нем необъятное и оскорбленное самолюбие (для справедливости сказать, такое же как и у самого Ивана). Усиливала отвращение фамильярность Смердякова в обращении с Иваном, хотя тот сам, прельстившись повышенным интересом к нему Смердякова и неким почитанием, приучил его к беседам с собой. Но особенно раздражало Ивана то, что вел себя Смердяков так, будто они с Иваном были в каком-то сговоре.

Между Смердяковым и Иваном состоялся странный разговор, в котором Смердяков советует Ивану съездить в Чермашню. А потом намеками сообщает Ивану о том, что в его отсутствие (очень вероятно) у него произойдет долгий припадок, а в это время Митя придет и убьет из-за денег отца. А он, ни как не сможет этому противостоять, так как будет в припадке лежать. И в мельчайших деталях описывает убийство.

Иван в гневе и раздражении: «Так зачем же ты, - перебил он вдруг Смердякова, - после всего этого в Чермашню мне советуешь ехать...Я уеду и у вас вот что произойдет».

Иван внимательно слушал Смердякова, хотя и ужасно злился на него. Он даже хотел его ударить, но сдержался. Иван искренне не понимает, зачем Смердяков его отправляет в Чермошню. Но, вдруг, неожиданно сообщает ему, что завтра уезжает в Москву. Впоследствии он сам себе удивлялся, зачем он это сделал. Уходил Иван от Смердякова в судорожном состоянии, «смеясь, но не от веселья».

Похоже, Иван не посчитал нужным серьезно отнестись к возможной угрозе жизни отца и угрозе опрометчивого эмоционального поступка брата, который может безвозвратно изменить его жизнь. Почему не посчитал нужным?

Безусловно, он с презрением относился к Смердякову и ни во что не ставил его интеллектуальные способности и личностные возможности. Кроме того, ряд примеров подтверждает склонность Ивана к самообману, склонность не замечать в себе того, что

ему неприятно или страшно о себе знать. И поэтому не мог даже допустить, что Смердяков все это не придумал. То, что это был придуманный Смердяковым план – очевидно из того, что и как Смердяков говорил. Странно, почему такой умный Иван этого не понял, хотя внимательно его слушал.

Дело в том, что не совсем Иван «не понял». С одной стороны, если бы он признал, что Смердяков говорит правду, то автоматически был бы вынужден признавать его несомненные интеллектуальные способности (чего Иван ни за что не мог сделать, слишком горд), и задать «страшный» вопрос: «Зачем ехать в Чермошню?» не Смердякову, а себе. И не просто задать, а ответить на него и дождаться ответа Смердякова. А ответ, вероятно, был не в пользу Ивана! Потому, зная о его склонности к самообману нетрудно предположить, что Иван в очередной раз «съехал с темы». Но обмануть он мог свой ум но, не чувства, не душу. Зная о себе, но не допуская до ума он испытывал сильнейшую тревогу и волнение: он то «впадал в ярость», то его «трясла судорога», то «нервный смех». В ту минуту ему действительно хотелось сбежать, но не из дома, где брат может убить отца, а от самого себя, от своих собственных желаний, в которых, как он сказал Алеше он «оставляет себе полную свободу».

4-й шаг

После разговора со Смердяковым он вошел в дом, где столкнулся с отцом и не смог скрыть своей ненависти к нему(!). Видя, что отец хочет ему что-то сказать он закричал, что идет сейчас к себе, а не к нему. Это было несколько странно для Ивана, который всегда казался сдержанным и невозмутимым. Всю ночь Иван не спит. Состояние его очень взволнованное, ход мыслей неопределенный. Он чувствует, что «потерял все свои концы». То есть он не понимал как он дошел до такого состояния (откуда пришел в него, откуда путь начался) и как теперь из него выходить (куда идти, что может помочь). В точности как у Ш. Бодлера⁵:

Корабль, застывший в вечном льду,

Полярным скованный простором,

Забывший, про пролив, которым

Приплыл он и попал в беду.

Он ненавидел Смердякова, хотя причины найти не мог, себя (минутами), даже Алешу.

С другой стороны, «не раз охватывала в эту ночь его душу какая-то необъяснимая и унижительная робость, от которой... терял физические силы. Голова его болела и кружилась. Что-то ненавистное щемило его душу, точно он собирался мстить кому-то».

В эту ночь Иван совершил «по поступку», который он потом всю жизнь считал в глубине души самым мерзким в своей жизни (!). Он тайком выходил два раза на лестницу и подслушивал, что делает отец, как он шевелится, дышит. Пытался представить, как он ходит, смотрит, ждет заветного стука (от Грушеньки). Но странным образом ненависти он не чувствовал к отцу в тот момент, вообще к нему в тот момент ничего не чувствовал, только сильнейшее любопытство.

Здесь хотелось бы остановиться. Почему «самый мерзкий в жизни» поступок, что это значит? Мерзко и ...стыдно. Но казалось бы, что стыдного и мерзкого в том, чтобы выйти на лестницу и послушать как ходит другой человек – вроде бы нет, но все зависит от того с какой целью. Переживания Ивана напоминают мне переживания некоторых людей, у которых дома лежит умирающий родственник, который давно болеет и умирает долго и мучительно. Так что все вокруг уже почти умирают вместе с ним и невольно ждут его смерти и не просто ждут, а хотят (потому что это освобождение для них). И родственники умирающего по очереди (в тайне друг от друга) вслушиваются, всматриваются, ищут признаки приближающейся смерти. Об этом стыдно думать, тем более стыдно кому-то сказать. Особенно стыдно перед собой, на всю жизнь стыдно за свое малодушие. Знаешь, что он умрет, ничего не делаешь, чтобы продлить ему жизнь, потому что на самом деле не хочешь, чтобы он дальше жил в таком состоянии продолжал мучиться и мучить (и тем стыднее, чем более о себе ты думаешь в этот момент). А потом, когда все заканчивается оправдываешься перед собой: «Я сделал все что мог, все равно ничего нельзя было изменить».

Иван чувствует себя ужасно измученным, пытается заснуть. Спит мало, но крепко, без снов. Проснувшись рано утром обнаруживает в себе неожиданный прилив «необычайной энергии». Начинает спешно собирать чемоданы. Пока собирался, отметил в себе радость от того, что нет препятствий его внезапному отъезду. И тут же подумал о том, что еще вчера вечером он совсем не думал об отъезде.

И тут отец настоятельно просит его заехать в Чермошню. После некоторого сопротивления Иван вдруг злобно усмехаясь закричал: «Сами же вы меня в Чермошню эту проклятую толкаете, а?».

Прощаясь, опять неожиданно для себя (и это уже не первый раз повторяется) он обращается к Смердякову: «Видишь... в Чермошню еду...». На что ему был ответ: «...с умным человеком поговорить любопытно». Потом долго это вспоминал. По дороге он пытается отвлечься, но ничего не получается. Вдруг ему захватывает дух от внезапной мысли, почему Смердяков так ответил! И тут же (опять) отвлекся.

Окончив дела в Чермошне, в вагоне, везущем его в Москву, Иван думает о том, все кончено, «прочь старый мир», «вперед в новый мир», «без оглядки». Но вместо восторга на душу сошел «такой мрак», а «сердце заныло такой скорбью, какой он не ощущал прежде во всю свою жизнь». Так он провел всю ночь. А утром подвезжая к Москве вдруг (опять вдруг!) очнулся: «Я подлец!» пошептал он про себя. И это уже Иван знал о себе наверняка. Но как теперь с этим жить?

5-й шаг

Вернувшись в город Иван в тайне посещает Дмитрия в тюрьме. В тайне ото всех, особенно от Алеши. С ним он вообще избегает видеться и раздражается, когда брат к нему приходит. Иван настойчиво убеждает Дмитрия притвориться сумасшедшим, чтобы его оправдали, настаивает на побеге, дает огромную сумму (сорок тысяч), чтобы он уехал в Америку. По словам Мити, он «не просит, а велит», «до истерики хочет», «в послушании не сомневается». Поведение Ивана похоже на «заметание следов». Больше всего Иван опасается, что Алеша будет оказывать влияние на Дмитрия, может перед ним «как совесть стать». Перед Иваном Алеша уже давно «стоит как совесть», потому что общения избегает, не хочет чувствовать уколов совести.

6-й шаг

Неожиданная и неотвратимая встреча с Алешей и их разговор на улице – это еще один поворотный момент. После некоторого раздражения Иван с неохотой идет на разговор с братом. Он у него с простодушным любопытством, тихо и незлобно спрашивает: «А ты знаешь, Алексей Федорович как сходят с ума?», «А над самим собой можно наблюдать, что сходишь с ума?». Дальше их разговор пошел в другом русле, и вот когда они снова возвращаются к теме убийства отца, Иван снова становится раздражительным и резким. На отчаянный протест Алеши, что Митя убийца Иван вдруг (и снова «вдруг»!) «холодно», «высокомерно» спрашивает: «Кто же убийца, по-вашему?». Он убежден, что Смердяков не мог, по уже известным его аргументам. Иван «свирепо» (интенсивность эмоций Ивана с каждым шагом усиливается и все менее подконтрольна) требует ответить Алешу «кто?».

Алеша отвечает: «Убил отца не ты». И этим вводит его в ступор, замешательство. Алеша продолжает: «Нет, Иван, ты сам несколько раз говорил, что убийца ты. ...но это не так». Иван долго смотрит в глаза брату, потом хватает его за грудки и трясет. Требует, чтобы ответил, был ли Алеша у него и не видел ли его(!!!). Некто приходит к Ивану, мучит его и он искренне уверен, что Алеша его видел. Алеша только повторяет: «не ты!». Взяв себя в руки, Иван холодно и гневно сообщает Алеше, что больше знать с ним не хочет, что пути их разошлись и знать он его не хочет.

Алеша проник в самую суть душевных мук Ивана. Но, как смел он, как дерзнул заподозрить Ивана в подобных мыслях, когда он сам себе даже этого не позволяет! Это табу! (Это страшно!). Конечно, приходит этот, тоже мучит его, по всей видимости обвиняет. Иван его тоже презирает, но не может от него отделаться, не может «заткнуть ему рот». А Алеше может, поэтому порывает с ним отношения.

Похоже, что этот появился после приезда из Москвы, когда Иван начал ходить к

Дмитрию и «до истерики хотеть», чтобы брат согласился на побег. Пока это только галлюцинации, но еще не окончательно оформившийся психоз.

7-й шаг

Иван идет к Смердякову. В первый раз сам толком не знает зачем. Якобы выяснить, кто «на самом деле убил, если не Дмитрий». Зато Смердяков хорошо знает, зачем «на самом деле» пришел Иван. «Что, батенька, пришли услышать, что вы не виноваты? Не дождетесь!». Но и о своей причастности он еще не говорит. Да и Иван еще не может в это поверить. Состояние Ивана заметно ухудшается после первой встречи.

Он во второй раз идет и снова возвращается от Смердякова подавленный, разгневанный и еще более растерянный чем прежде. Каждый раз Смердяков подводит его к тому, что он, Иван...убийца. Иван злится, но все еще не признает себя таковым. Он жаждет доказательств.

8-й шаг

Иван идет к Смердякову в третий раз. По дороге его охватывает тяжесть, он очень плохо себя чувствует физически. Ему встречается пьяный, к которому возникает резкое отвращение и ненависть, он готов его прибить. Так и выходит. Мужик теряет равновесие и наваливается на Ивана, а тот его изо всех сил толкает, пьяный падает и остается лежать без чувств. «Замерзнет», - думает мимоходом Иван и дальше, весь в своих тягостных чувствах идет дальше.

Не правда ли это похоже на то, как он поступил с отцом? Так же призрачил и хотел расправиться, так же сдерживал себя до последнего и если бы не случайные обстоятельства – мужик сам на него упал, а отец, якобы «сам толкнул его в проклятую Чермошню» - то, скорее всего, пошел бы с тайной горечью о несостоявшемся отмщении дальше. Так же равнодушно устранился, мимоходом про себя отмечая, что бедняге грозит смерть. Ну и пусть, это меня не касается, если умрет, я здесь не причем. Такой логикой он пользовался с отцом и теперь с этим пьяным.

Итак, Смердяков признается, что формально убил он, а Дмитрий не причем. Но Ивана он продолжает считать главным убийцей. Несмотря на то, что Смердяков с удивлением видит, что Иван не притворяется, а действительно не понимает в чем конкретно его вина, он продолжает его обвинять. В том, что про убийство Иван знал и «убить поручил-с», а сам уехал, хотя и знал. Хотя Иван ничего Смердякову не поручал, он тем не менее оказался удобной жертвой мести Смердякова всей семье Карамазовых.

Про себя Иван точно знает, что сговора никакого не было, что он ничего не поручал... по факту, но по сути...? В чем тогда его беспокойство, почему ему так плохо?

Смердяков продолжает: «...Я же вас всегда мог припереть-с, обнаружив, какую жажду имели к смерти родителя, и вот вам слово – в публике все бы тому поверили, и вам было бы стыдно на всю вашу жизнь». «Так имел, так имел я эту жажду, имел?» - проскрежетал опять Иван (он никак не мог себе в этом признаться!). Он просит подробности убийства, внимательно выслушивает

Пока он интересовался подробностями убийства, голос его был тихим беззлобным, но как только разговор коснулся Дмитрия, «о том, что все так вышло, что его теперь точно уличат» Иван опять растерялся. Он с горечью и в «страшной тоске» признает, что Смердяков гораздо умнее, чем он о нем думал.

Но себя по-прежнему оправдывал, кричал, возмущался. А потом вдруг (!). Решил! Что пойдет и все расскажет на суде! И Смердякова с собой возьмет! «Иван проговорил это торжественно и энергично, и видно было уже по единому сверкающему взгляду его, что так и будет». «...А если не пойдешь – все равно я один сознаюсь». На что Смердяков ему с какой-то брезгливостью отвечает: «Умны вы очень-с. Деньги любите, это я знаю-с, почет тоже любите, потому что очень горды. Прелесть женскую чрезмерно любите, а пуще всего в покойном довольстве жить и чтобы никому не кланяться – это пуще всего-с. Не захотите вы жизнь навеки испортить, такой стыд на суде приняв. Вы как Федор Павлович, наиболее-с, изо всех детей наиболее на него похожи вышли, с одною с ним душой-с».

Иван поражен как точно Смердяков о нем сказал. Тот самый глупый, лебезящий, мерзкий Смердяков, без образования и с трудом читавший! Иван признается, что до сих пор считал его глупым, но теперь берет свои слова назад. И признает это как свое поражение. «От гордости вашей думали, что я глуп», - ответил Смердяков.

Иван опять злится и кричит на Смердякова, будто сожалеет о том, что сейчас не убил его, но только потому что он нужен на суде завтра. «А что ж, убейте-с. Убейте теперь...ничего не посмеете, прежде смелый человек-с!».

Выйдя от Смердякова он опять почувствовал сильную усталость, но какая-то радость озарила его душу! Он почувствовал в себе бесконечную твердость. Пришел конец колебаниям его, которые так ужасно мучили его все это время. Он принял решение и уже пойдет в нем до конца! На этой мысли он натывается ногами на того пьяного, которого накануне толкнул. Иван хватает его, тащит на себе, находит помощь. Дает щедро денег «на расходы», просит непременно организовать мужику уход и доктора. Проходит час и Иван нисколько не жалеет о потраченном времени. Он остался очень доволен собой. Он думает: «Если бы не было взято так твердо решение мое на завтра ...прошел бы мимо, и только плюнул». Он радуется, что в илах наблюдать за собой и что, глупые окружающие напрасно решили, что он сумасшедший.

И дальше все меняется. Дойдя до своего дома, Иван задает себе вопрос: «А не надо

ль сейчас, теперь же пойти к прокурору и все объяснить?» Пока еще Иван на верном пути: действовать немедленно и безотлагательно. Конечно настроение это было еще и на общей эйфории от своего поступка. Ведь он молодец, поступил «героически».

Но то, как Иван решил этот вопрос (снова «вдруг») изменило всю его жизнь: «Завтра все вместе!». В это мгновение его состояние меняется на противоположное: «и, странно, почти вся радость, все довольство его собою прошли в один миг. Когда же он вступил комнату, что-то ледяное прикоснулось вдруг к его сердцу, как будто воспоминание, вернее, напоминание о чем-то мучительном и отвратительном, находящемся именно в этой комнате теперь, сейчас, да и прежде бывшем».

Время от времени ему мерещилось, что он бредит. Иван пытается не спать. Состояние его все более ухудшается. Он начинает оглядываться, всматриваться во что-то... «Наконец взгляд его пристально направляется в одну точку. Иван усмехнулся, но краска гнева залила лицо его. Он долго сидел на своем месте, крепко подперев обеими руками голову и все-таки кося глазами на прежнюю точку, на стоявший у противоположной стороны диван. Его видимо что-то там раздражало, какой-то предмет, беспокоило, мучило»... На следующий день Иван уже полностью ушел в психоз, сбежал в сумасшествие.

В бреду он отправляется в суд, где в совершенном безумии, путано пытается обвинить себя в убийстве отца. Но уже никто не воспринимает его слова всерьез. Для окружающих он тяжело больной человек – сумасшедший.

Достоевский отмечает, что Иван «упорно» сопротивлялся своему «безумию». «Ужасным напряжением воли своей он успел на время отдалить болезнь, мечтая, разумеется, совсем преодолеть ее». Зная, что нездоров «он с отвращением не хотел быть больным в это время, в эти наступающие роковые минуты его жизни, когда надо было быть налицо, высказать свое слово смело и решительно и самому...оправдать себя перед собою». То есть не быть, а показаться, выглядеть здоровым, бравым, правым, молодцом! А не раздавленным виной, больным, немощным «подлецом». Что это как не свидетельство главной духовной болезни Ивана, примеры которой мы находим во многих местах романа – гордыни!

С точки зрения психиатрии то, что случилось с Иваном, именуется эндогенным психозом. Достоевский называет его «белой горячкой». Хотя состояние Ивана и было временным помутнением рассудка (эндогенные психозы могут иметь и более глубокое и длительное развитие и течение) это не имеет для нас существенного значения, так как мы пытались посмотреть на сумасшествие как на форму избегания выбора, решения проблем жизни. Как на побег.

Почему, все-таки, для понимания душевного процесса именуемого «сумасшествием» важна метафора побега? Наверное, потому что мир душевно больного человека хаотичный, тревожный, полный страхов и неясных предчувствий, преследующих кошмаров. Всего того, что настигает беглеца и заставляет его бежать все дальше и дальше от себя и от жизни.

На мой взгляд, беда Ивана была в том, что не было в нем ощущения своей реальной самооценности, здоровой любви к себе. Это привело к развитию гордыни и эгоизма. Чтобы принять вину, нужно смириться. А по-настоящему смириться может только тот, кто есть.

И брать ответственность может только тот, кто есть. Ответственность автоматически подразумевает возможность быть виноватым и мужественное признание этой возможности. Ответственность – если говорить языком М.Бахтина – это «не-алиби», т.е. противоположность алиби. Если я полагаю себя ответственным, то не ищу аргументов своей непричастности.

А между тем, каждый из нас в той или иной степени склонен к избеганию ответственности, склонен откладывать обличительный разговор с собственной совестью и успокаивать себя отсрочками. Особенно легко нам это удается, когда есть соучастники, – такие же беглецы – которые, оправдывая нас, оправдываются сами.

В английском языке есть выражение: explain away – «оправдываться, находить предлог, уловку». М. Мамардашвилиб переводит его существительным отобъяснение. Например, ты совершаешь какой-то поступок, который идет в разрез с твоей совестью. Голос совести прозвучал, но, не желая его слушать, ты делаешь так, чтобы не понять услышанное. Затем, искренне убежденный в том, что «ничего не знал!» и поэтому не понимал степени своего заблуждения, претендуешь таким образом на алиби. Алиби может и быть, но ответственность с тебя при этом не снимается.

□□□□ Литература

1. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник 1984-1985. М., 1986.
2. Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М., 1999.
3. Бинсвангер Л. Случай Эллен Вест // Психологическое консультирование и психотерапия: Уч. пособие для вузов. Т. 2. Случаи из практики / Под ред. А.Б. Фенько, Н.С. Игнатъевой, М.Ю. Локтаева. М., 2001.
4. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М., 2009.
5. Dasein-анализ в философии и психологии / Под ред. Г.М. Кубинского, А.А. Михайлова. Мн., 2001.
6. Лэйнг Р. Феноменология переживания. Райская птичка. О

важном: Пер. с англ. Львов, 2005.

7. Мамардашвилли М. Психологическая топология пути. М. Пруст «В поисках утраченного времени» // Нева. 1997.
8. Мэй Р. Экзистенциальный анализ случая Эллен Вест // Психологическое консультирование и психотерапия: Уч. пособие для вузов. Т. 2. Случаи из практики / Под ред. А.Б. Фенько, Н.С. Игнатьевой, М.Ю. Локтаева. М., 2001.
9. Нидлмен Я. Критическое введение в экзистенциальный психоанализ Людвига Бинсвангера // Бинсвангер Л. Бытие–в-мире. М., 1999.
10. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое: Соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1990.
11. Сартр Ж.-П. Человек в осаде. М., 2006.
12. Тиллих П. Мужество быть // Избранное. М., 1995. С. 7